

Большое дело

Е. ЯКОВЛЕВ, г. Воронеж

Издавна первое апреля считают днём весёлых шуток и розыгрышей. Мы решили не отставать от традиций и размещаем на страницах нашего журнала историю, произошедшую с радиолобителем, увлечённым акустическими системами.

Папа Юра любовно погладил отполированную сторону новой колонки, заглянул в глубину рупора, где в центре темнела динамическая головка ручной работы, — сердце звука, прислонился ещё раз к ней щекой, закрыл глаза и сладостно улыбнулся. Не без основания подумав, что это — шедевр. К его созданию он шёл, если не с самого детства, то уж последние полгода точно.

— У-да-лась, — произнёс нараспев папа Юра — Теперь можно и пообедать.

Он сделал шаг в сторону кухни. Но тут же развернулся и ещё раз посмотрел на творение счастливыми глазами мастера. Полуденное солнце заиграло на фактурных боках рупора, покрытых лаком, замешанном на спирте и тушках мексиканских жучков. На мгновение папе Юре показалась, что перед ним сама Венера. Да-да, ему вспомнилась картина знаменитого итальянца, где из пены морской рождалась Красота. Порадовавшись такому сравнению, он в великолепном расположении духа зашагал на кухню, ласково потрепав пятилетнего сына, внимательно изучающего устройство пластмассового грузовика.

— Серёжа, ничего там не трогай, — сказал папа Юра с деланной строгостью. Как и все дети в таком возрасте, Серёжа походил на ангела, а потому

покорно прошептал:

— Не буду.

Папа Юра разогрел в микроволновке куриный окорочок и прежде чем приступить к нему, оценил лоснящиеся неровности золотистой шкурки:

— Плоховато отшлифовали, халтурщики!

А потом вдруг улыбнулся своей погруженности в работу и принялся с аппетитом уплетать пищу с видом довольного человека, который сделал большое дело. Разделавшись с окорочком, он налил себе добрую чашку свежесваренного чая и унёсся мыслями туда, в самое начало работы, к чертежам и деревянным заготовкам, дабы ещё раз всё это заново пережить.

Звук, раздавшийся в следующее мгновение, не был из симфонии Бетховена, не походил на вокал Эллы Фитцджеральд или хрипловатый бас Тома Вейтса. Это был абсолютно немелодичный звук, как будто кто-то разломил сухарь. Этот звук вонзился папе Юре в ухо, в самую барабанную перепонку, варварски прошёл по всему лабиринту, потом спустился по кровеносным сосудам и ткнулся в сердце, отчего папа Юра почувствовал лёгкий холодок, потом словно от брошенного в воду камня волны разошлись по всему телу, и

одна из них превратилась в девятый вал, сметающий всё на своём пути. Голосовые связки папы Юры набухли, натянулись и, завибрировав, издали многократно увеличенный внутренними резонаторами крик, переходящий в рёв.

— Не-е-е-т!!!

Он в три прыжка достиг комнаты, где был шедевр. Намётанный глаз в доли секунды пробежал по всей поверхности и остановился в центре рупора. Там, в темноте диффузора, появилась дырочка, сквозь которую виднелся кусочек стены, обласканной солнечным светом. Папа Юра хищническим взглядом ястреба пронзил всё пространство, но в комнате никого не было.

Тогда дом оглушил ещё один рёв:

— Сыно-о-о-к!

Но сынок не откликнулся. Ибо ангелы не всегда реагируют на наши призывы.

Когда мама Наташа вошла в дом, она увидела папу Юру с табуреткой, высоко поднятой над головой. Кучерявые волосы его распрямились как будто после сеанса шоковой терапии, глаза светились как у Терминатора в Судный день.

— Что-то случилось? — тихо спросила мама Наташа.

— Да-а-а! Он её пробил, полгода ручной работы. Две тысячи баксов, а он пальцем! — И папа Юра выбежал с табуреткой из дома, чтобы там, в мастерской, превратить предмет кухонной мебели в опилки и успокоиться.

Мама зашла в комнату, где стоял раненный шедевр. Она увидела, как сквозь дырочку за ней кто-то наблюдает.

— Серёжа, ну зачем ты это сделал?

Серёжа вышел из убежища, ковырнул пальцем в носу, хитренько прищурился и довольный, как будто сотворил большое дело, вернулся к пластмассовому грузовику.